

97. Детские годы Петра Великого.

(Годы его царствования 1682 — 1725 г.).

Петру шел четвертый год, когда скончался отец его и на престол вступил старший царевич — Феодор Алексеевич. При царе Феодоре Алексеевиче царица Наталья Кирилловна, ее родственники и боярин Матвеев находились в немилости, и она жила очень тихо, не принимая никакого участия в дворцовой жизни. Поэтому маленький царевич Петр рос без такого строгого присмотра, какой существовал обыкновенно над царскими детьми. Живость его нрава с каждым годом увеличивалась, и он все время проводил в веселых и шумных играх, преимущественно на чистом воздухе, отчего здоровье и силы молодого царевича все более и более укреплялись. В старое время русские царевичи в детстве учились не многому, но царь Алексей Михайлович думал об этом деле иначе. Ему хотелось, чтобы сыновья его научилось всему, чему только можно было, и он сделал их наставником одного из самых ученых людей, живших в то время, — Симеона Полоцкого. Под руководством этого ученого монаха старшие царевичи Алексей и Феодор Алексеевичи оказали такие успехи, что их образованности потом удивлялись даже иностранцы. Не то было с Петром. О нем кроме опальной матери некому было заботиться, некому было думать и об его учении. Когда мальчику минуло семь лет, к нему все-таки приставили учителя, но это был малообразованный и притом недалекий, дьяк Никита Зотов. Перед началом ученья приглашен был патриарх отслужить молебен, окропить отрока святою водою и благословить его. Зотов же, приняв царевича, посадил его, поклонился ему до земли и начал учить. Учение началось, разумеется, с чтения. Читали сначала азбуку или букварь, потом часослов, псалтырь, Апостол и Евангелие. Позже, когда царевичу было лет восемь, его начали учить писать. Петр учился также и церковному пению и, как видно, очень любил его, потому что, будучи уже царем, певал на клиросе вместе с певчими. Он любил также читать в церкви "Апостол". Кроме уроков чтения, пения и письма, Петру рано начали сообщать разные сведения по картинкам. По распоряжению Зотова было много нарисовано для царевича разных картинок и развешено по всем комнатам. В свободное время

Зотов рассказывал царственному ученику своему по этим картинкам о великих подвигах Русских государей, о битвах, кораблях, городах и т. п. Царевич учился прилежно и охотно, был очень понятлив и весьма скоро все запоминал. Но Зотов вообще сам мало знал, поэтому не многому мог научить и царственного отрока. Нередко случалось, что пытливый ученик задавал своему учителю такие вопросы, на которые он сам не мог давать ответов.

Поэтому Петру приходилось до многого доходить своим умом или подыскивать себе случайных учителей; так случайно нашел Петр себе учителя математики. Князь Долгоруков привез Петру из-за границы астролябию. Молодой царь радостно схватил "заморскую игрушку", но радость скоро сменилась горем. Долгоруков знал, что можно сделать с помощью астролябии, но как взяться за дело, этого он не знал. Не знал обращения с астролябией и Зотов, не знали и другие приближенные. Обратились к немцу-доктору — он не знает-ли? Доктор обещал добыть такого человека, который бы мог научить царя, как обращаться с астролябией, и скоро привел учителя. То был голландец Тиммерман, из Кокуевской слободы, где жили вообще все иностранцы, служившие русским царям или приезжавшие в Москву по торговым и другим делам. Тиммерман не только объяснил Петру, как нужно обращаться с астролябией, но стал учить его геометрии и другим математическим наукам. Петр очень полюбил Тиммермана и почти не расставался с ним, выведывая у него все, что только тот знал. Через Тиммермана Петр познакомился с другими иностранцами, жившими в Москве. Между ними было не мало людей, от которых он мог многому научиться, жили они весело, и поэтому не мудрено, что живому, огненному Петру было приятнее проводить время в Кокуевской слободе, чем в своем скучном дворце. Иностранцы, среди которых особенно выдавались Лефорт и Гордон, помогли также Петру устроить его "потешное войско". Петр еще ребенком страстно любил разные военные игры и часто играл в солдаты со своими сверстниками. У маленького царевича было множество всевозможных игрушек, но из них он любил больше всего те, которые относились к военному делу. Когда Петр подрос, то не прекратил своих игр, а, наоборот, еще больше полюбил их. К своим сверстникам он присоединил еще много дворовых людей, бедных

дворян и разного охочего люда и составил из них целое маленькое войско, называвшееся потешным. Своих потешных Петр одел и обучил на иностранный лад и впоследствии образовал из них целых два полка — Преображенский и Семеновский, названные так по имени двух подмосковных сел, где больше всего проводил царь время, обучая свое войско и производя примерные сражения.

Между тем Петр уже стал царем. В 1682 году умер царь Феодор Алексеевич, не оставив после себя детей и не назначив никого себе наследником. Из сыновей царя Алексея Михайловича к этому времени оставались в живых двое — царе-вичи Иоанн и Петр. Старшим был шестнадцатилетний Иоанн, но он отличался очень слабым сложением, постоянно хворал и казался совсем непригодным для царствования. Здоровым, сильным и живым Петром давно уже все любовались и предсказывала ему великое будущее, — но ему было только десять лет. Долго совещались бояре, кому из братьев быть царем, и положили спросить весь народ московский, кого он желает иметь своим государем. Бояре вышли на дворцовое крыльцо, и патриарх, обращаясь к громадной толпе всякого звания людей, окружавшей дворец, спросил: кого вы желаете иметь царем — Иоанна или Петра Алексеевича? Со всех сторон послышались громкие голоса — "быть царем Петру Алексеевичу", и таким образом десятилетний Петр взшел на престол московский. Конечно, он не мог сам заниматься государственными делами, и всем стала управлять мать его царица Наталия Кирилловна со своими родственниками. Это, понятно, не могло нравиться родственникам по матери покойного царя Феодора Алексеевича, Милославским, а в особенности не нравилось это одной из старших дочерей царя Алексея Михайловича — царевне Софье.

В это время царевен не держали уже так строго, не выпуская никуда из терема и не обучая ничему, кроме рукоделий, как прежде, и царевна Софья училась вместе со своими братьями у ученого Симеона Полоцкого. Она отличалась большими способностями и любознательностью, очень интересовалась государственными делами и в царствование Феодора Алексеевича принимала участие в управлении государством. Поэтому не мудрено, что она с большим неудовольствием видела, как власть получила нелюбимая ею мачеха и ее приближенные, и решила во что бы то ни стало захватить эту власть себе. Средство овладеть правле-

нием Софья увидела в стрельцах. Стрельцами называлось постоянное войско, учрежденное еще царем Иоанном Грозным, в мирное время жившее в Москве в особой Стрелецкой слободе и занимавшееся мелкой торговлей и различными ремеслами. В описываемое время стрельцы были очень недовольны своими начальниками или полковниками. Полковники заставляли их работать на себя и нередко не отдавали следуемого стрельцам жалованья. Этим неудовольствием искусно воспользовалась царевна Софья. Ее приверженцы начали нашептывать стрельцам, что виновниками всех их бед являются родственники молодого царя — Нарышкины. "Нарышкины не только вас, стрельцов, всячески притесняют", говорили они, "но стараются даже причинить всякое зло царевичу Иоанну с сестрами, дружелюбно относящимися к вам". Стрельцы хотя и верили всему этому, но все-таки открыто поднять бунт не решались. Тогда однажды по улицам Стрелецкой слободы проскакали двое приближенных Софьи с криками, что Нарышкины извели царевича Иоанна. Стрельцы заволновались, схватились за оружие и двинулись к Кремлю. В царском дворце, при известии о возмущении стрельцов, все пришли в большое смущение и хотели запереть кремлевские ворота, но было уже поздно. Стрельцы с бранью и криками, что Нарышкины умертвили царевича Иоанна, ворвались во дворец. Бояре стали их успокаивать, но напрасно. Тогда вывели самого царевича Иоанна, объявившего стрельцам, что его никто не думал изводить, и что никакой обиды он от Нарышкиных не испытывал. Стрельцы смутились, и когда их бывший любимый начальник Матвеев стал уговаривать бунтовщиков разойтись по домам, они было послушались его и начали расходиться. Но тут новый стрелецкий начальник, князь Долгоруков, которого они сильно недолюбливали, набросился на них и принялся угрожать всевозможными наказаниями за бунт. Стрельцы рассвирепели, убили Долгорукова и, подстрекаемые Милославскими и их сторонниками, бросились обратно во дворец. Там они убили Матвеева, убили и многих других бояр. Любимого брата царицы Ивана Кирилловича Нарышкина, несмотря на все ее мольбы, умертвили почти на глазах царя. У Петра, при виде убийства стольких близких ему людей, не вырвалось ни одного крика, ни одна слезинка не выкатилась из его глаз, но зато с этих пор у него начала немного трястись голова, и это трясение осталось на всю жизнь. Стрельцы, сделавшиеся полными хозяевами Москвы,

ного Софье, который был лично заинтересован в ее правлении, отказывались ее поддерживать. Тогда Шакловитый с 5-ю преданными ему стрельцами задумал погубить Петра и его мать, и для исполнения этого замысла им была уже назначена, как говорят, ночь с 7 на 8 августа. Два других стрельца, узнав о заговоре, отправились ночью в Преображенское и предупредили Петра об угрожавшей ему опасности. Петр тотчас же ускакал в Троицкую Лавру, куда к нему на другой день приехали его мать, жена, преданные бояре, пришли также потешные и стрелецкий сухарев полк. Софья пыталась уговорить Петра возвратиться в Москву и с этой целью посылала к нему бояр и даже патриарха, но Петр не возвращался. Софья сама поехала к Петру, но он ее не принял, велел воротиться назад и потребовал выдачи Шакловитого и всех ее сообщников. Тогда Софья пробовала поднять на свою защиту оставшихся в Москве стрельцов и служилых иноземцев, обращалась с речью и к народу, но безуспешно; иноземцы с Гордоном тоже ушли к Троице, а стрельцы заставили Софью выдать Шакловитого с его сообщниками. Дело Софьи было проиграно и она по приказу Петра должна была удалиться на житье в Новодевичий монастырь, а ее сообщники были казнены. С этого времени Петр стал самодержавным государем, так как брат его Иоанн хотя и назывался царем, но не принимал никакого участия в правлении; Иоанн V умер в 1696 г., оставив 3 дочерей — Екатерину, Анну и Прасковью.

Первые 5 лет правления Петра не были ознаменованы никакими важными событиями, так как 17-летний Петр продолжал заниматься своими потешными, но все-таки уже сильно было заметно сочувствие Петра ко всему иностранному и новому. Не довольствуясь Переяславским озером, на которое было спущено, кроме ботика, еще 5 судов, вновь построенных Брандтом, при деятельном участии самого царя, Петр в это время ездил в Архангельск и плавал по Белому морю; здесь он осмотрел иноземные корабли и велел построить по их образцу два русских корабля. В 1694 г. умерла Наталья Кирилловна, и Петр сделался теперь вполне самостоятельным. Он совершил второе путешествие в Архангельск, посетил Соловецкий монастырь, изучал морскую службу под руководством голландского шкипера и плавал по Белому морю на военном корабле, купленном по его заказу в Голландии. По возвращении из Архангельска в Москву, Петр устроил большие маневры (кожуховский поход),

во время которых он со своими потешными взял земляное укрепление, защищаемое стрельцами. Первым важным событием в его правление было взятие турецкой крепости Азова. Так как война с турками, начатая при Софье, еще не была окончена, то Петр задумал взять крепость Азов и таким образом проложить путь к Черному морю; он хорошо понимал, как необходимо было обладание северными берегами Черного моря для политического могущества России. Первый азовский поход (1695 г.), в котором участвовал сам Петр под именем Петра Алексея, бомбандира преображенского полка, был неудачен, так как с одним сухопутным войском, при отсутствии сведущих инженеров, трудно было взять сильно укрепленный Азов, гарнизон которого мог получать еще помощь с моря. По возвращении из похода, Петр велел выстроить в Воронеже в одну зиму под руководством иноземных мастеров, вызванных из Архангельска, гребной флот и сам принимал деятельное участие в постройке кораблей. Весною 1696 г. русский флот под начальством адмирала Лефортова, спустившись по Дону, осадил Азов с моря, а сухопутное войско под начальством генералиссимуса Шеина осадило его с суши. На этот раз после 2-месячной осады Азов был взят. По случаю взятия Азова Петр устроил еще не виданное в Москве празднество: были поставлены триумфальные ворота с разными изображениями и надписями, представлявшими торжество русских над турками, и через эти ворота торжественно прошло русское войско, возвратившееся из похода, при чем сам Петр в мундире капитана шел пешком перед своим отрядом (Петр начал свою службу во флоте шкипером). Чтобы утвердиться на Азовском море и затем овладеть Черным, Петр решил завести большой флот, причем в заседании боярской думы было постановлено построить флот на счет светских и духовных землевладельцев, торговых и посадских людей. Землевладельцы должны были соединиться в кумпанства или отдельные общества, и каждое кумпанство должно было к известному сроку выстроить один корабль; всех кораблей было решено выстроить 52. Гаванью для будущего флота был выбран Таганрог при Азовском море, а корабли строились в Воронеже мастерами, вызванными с Запада. В то же время 50 спальников и стольников были посланы в Англию, Венецию и Голландию учиться корабельному искусству, чтобы на будущее время не зависеть от иностранных мастеров.

значены: Лефорт, боярин Головин и думный дьяк Возницын. Свита их состояла из 250 человек, лиц знатных и незнатных, людей служилых и домашней прислуги. В числе этой свиты находился и Царь под именем Петра Михайлова.

"Великое посольство" отправилось из Москвы в начале весны 1697 года сначала в Ригу, принадлежавшую тогда Швеции, потом в Курляндию, бывшую в зависимости от Польши, и наконец вступило в германские земли, именно в курфюршество Бранденбургское (ныне Прусское королевство). Посольство двигалось медленно и величественно. Пылкий и нетерпеливый Петр постоянно обгонял его, отъезжая в сторону, чтобы прокатиться по морю, осмотреть морской порт или фабрику, и прибыл в Кенигсберг, столицу Бранденбурга, гораздо ранее послов. Здесь,— все скрываясь от пышных встреч и этикета под именем Михайлова, хотя его присутствие не было ни для кого тайной, — он осматривал войско курфюрста, изучал его артиллерию, нанимал в русскую службу офицеров и, пробыв более двух месяцев во владениях курфюрста, отправился далее в глубину Германии. Германия двести лет тому назад была далеко не то, что теперь: железные дороги не разбегались по всем направлениям; чистенькие, опрятные города и деревни не свидетельствовали о довольстве и порядливости всех вообще сословий; нравы были там довольно грубы; дворы маленьких владений, на которые Германия разделялась, любили щеголять тяжелою безвкусною роскошью и истощали на это средства своих подданных. Но все-таки, в сравнении с Россией, Германия представляла разницу поразительную. Народ был трудолюбив и честен; духовенство очень образованно; купечество некоторых городов вело обширную торговлю: па Лейпцигскую ярмарку съезжались со всех концов Европы; несколько германских университетов соперничали с лучшими в мире; некоторые из тамошних профессоров того времени и теперь считаются между величайшими учеными и философами. И чем глубже Петр проникал в Германию, тем страна делалась прекраснее, тем более следов просвещения он видел вокруг себя. Он внимательно осматривал искусно построенные крепости, богатые торговлей города, заводы, фабрики, и убеждался, что много надобно еще сделать в России, чтобы дойти до такого состояния.

Государь однако ж торопился оставить Германию; его более всего занимали Голландцы, тогда первый в Европе торговый на-

род, с которым он уже познакомился в Архангельске, и который очень ему понравился своею деятельностью и практическим смыслом. Оставив, по обыкновению, посольство подвигаться с приличною медленностью, он, с несколькими человеками, сел на небольшое судно и по Рейну спустился в Голландию, в селение, которое славилось своими верфями, Саардам. Всем сопровождавшим его было строго запрещено открывать его сан, а потому он мог приехать туда как частный человек, тем более, что он переменял свою русскую одежду на голландскую, — весьма простую красную фризскую куртку, холстинные шаровары и лакированную шляпу с большими полями. В таком виде, с несколькими спутниками, подъезжал он к Саардаму, когда навстречу ему попался один Голландец, которого он видал в Архангельске. — "Кист! — закричал он Голландцу, удившему рыбу, — узнаешь ли меня? Я приехал погостить у вас в Саардаме и хочу у тебя остановиться". Удивленный Кист хотел назвать его царским величеством, но Петр велел ему молчать и называть себя не иначе как Петром Михайловым.

И вот государь Московский поселился в маленькой низенькой комнате маленького голландского домика и сделался нахлебником простого кузнеца, членом его семьи. Такая жизнь очень ему понравилась: он любовался домовитостью хозяйки, трудолюбием и бережливостью хозяина, его простым, откровенным и бесцеремонным обхождением, чистотой и порядком, царствовавшими во всех углах дома, даже в кухне, где все было прибрано, все опрятно. Известно, что Петр и после во всю свою жизнь любил голландские нравы и обычаи; во всех его дворцах (маленьких и очень не роскошных) видно что-нибудь, напоминающее Голландию, а в петергофском Монплезиере, рядом с его спальней, устроена кухня совершенно в голландском вкусе, которую и теперь можно видеть. На следующее же утро по прибытии в Саардам Петр и его спутники отправились на верфь и нанялись как простые плотники. С раннего утра до поздней ночи работал Петр топором, долотом и стругом, изредка уходя в трактир, чтобы выпить рюмку джину или отобедать, а по воскресеньям отправлялся осматривать другие верфи или фабрики, обедал у мастеровых и работников с их семействами, шутил с их детьми, словом, вел себя, как природный трудолюбивый, смысленный работник. Но истинное его звание скоро открылось: саардамцы с неописанным изумлением

узнали, что между ними живет и вместе с ними ежедневно работает Московский Царь, и с тех пор не стало покоя Петру. Мальчишки бегали за ним неотступно, взрослые толкались около него, женщины бросались к нему навстречу, чтобы заглянуть ему в лицо. Любопытные начали приезжать из окрестных городов, так что наконец не было больше возможности ни скрыться от них, ни работать. Притом великое посольство приближалось уже к Амстердаму, и Петр оставил саардамские верфи и чистенький домик Киста после девятидневного там пребывания.

В Амстердаме, главном городе Голландской республики, послов наших принимали с большой торжественностью и устроили празднество, которое соответствовало вкусам Царя, а, именно, примерное морское сражение и фейерверк. Но все-таки не это было нужно Петру. В Саардаме он мог познакомиться с постройкой только купеческих кораблей, в столице же республики были и военные верфи, морские арсеналы, целый флот: вот что хотелось видеть Петру. Он все это смотрел со вниманием, расспрашивал о том, чего не понимал сразу, и пожелал заняться на какой-нибудь верфи, записав по разным мастерствам и всю многочисленную свиту великого посольства. Таким образом он провел в непрерывных тяжелых трудах слишком четыре месяца. Он собственным опытом узнал постройку судов во всех ее разнообразных подробностях, оснастку, вооружение и, что еще важнее, управление ими, а между тем, по окончании работ, вечером, советовался с великими послами, которые вели переговоры с голландским правительством о торговых и других делах, зазывал опытных моряков в русскую службу, учился гравированию и точению, знакомился с анатомией, читал многочисленные письма, получаемый из Москвы, газеты, по которым следил за тем, что делалось в разных концах Европы, писал или диктовал письма в Россию и еще находил время иногда погулять со своими русскими и голландскими друзьями. Выучился он наконец голландскому кораблестроительству и полагал, что корабельное дело ему известно по наилучшим образцами. Но раз случилось ему увидеть одно английское военное судно, и он убедился, что голландские военные суда далеки еще от совершенства, и что совершенству этому надо ехать учиться на английские верфи.

В это время царствовал в Англии Вильгельм III. Вильгельм, прежде чем сделаться королем Англии, был прези-

дендом Голландской республики, к которой сохранил привязанность до самой смерти, и, когда только мог, приезжал из Лондона погостить посреди любезных ему Голландцев. Он был в Голландии во время пребывания Петра; они виделись и понравились друг другу. Вильгельм сделал Петру самую чувствительную любезность, подарив ему прекрасную, совершенно вооруженную яхту, а Петр счел приятною обязанностью сделать ему визит в Лондоне "незнатным лицом", т.е. в качестве партикулярного человека. В начале января 1698 года на легком английском судне, в бурную погоду, поплыл Петр к берегам Англии и вечером того же дня высадился в Лондоне. Англия начинала в это время выходить на тот путь внешнего величия и внутреннего благосостояния, на котором она опередила все прочие народы Европы. В Англии Петр предался усовершенствованию себя и своих спутников в кораблестроении и мореходстве, изучал литейные заводы, строительное искусство, фабрики и мануфактуры, заключал контракты с морскими и горными инженерами, закупал оружие; словом, интересовался всем, что имело практическое значение и что соответствовало практическому складу его ума. Во второй половине апреля Государь оставил английский берег и через Голландию и германские земли направил путь свой в Вену. В Голландию и Англию его влекло желание ознакомиться с морским делом, с различными заводскими и мануфактурными производствами; в Астрии надо было ему объясниться по делам политическим насчет совместной войны с Турцией. Не найдя в Вене сочувствия к союзу против Турции, Петр не хотел оставаться в ней долго и готовился уже к отъезду в Венецию, надеясь с пользой провести время в этой славной республике, долго бывшей владычицей морей; но важные известия, полученные из России, изменили его предположение. Это были известия о новом бунте стрельцов.

101. Великая северная война (1700—1721 г.).

Возвратившись из-за границы, Петр I тотчас же принялся за работу. Теперь у него были хорошие помощники из тех людей, которые ездили с ними вместе учиться в иноземные страны. Первой заботой государя было приобрести свободную дорогу для путешествий за границу, чтобы русские люди могли беспрепят-

ственно ездить туда для торговли и для учения, и чтобы иноземцы могли приезжать к нам. Надо было искать море. Белое море было неудобно: лежит оно на дальнем конце земли русской, зимою замерзает, и корабли могут только раз в год приплыть в него и отплыть назад. Черное море с Азовским принадлежало в то время туркам, а к Балтийскому морю не пускали нас шведы. Сначала Петр задумал отнять у турок море Азовское. Два раза ходил он на турок и завладел их крепостью Азовом. Но вскоре государь сообразил, что и это море неудобно, потому что оно само не велико, и плыть из него в другие иноземные государства было очень далеко, да и выход из него зависел от согласия турок. Поэтому Петр решил завоевать берега Балтийского моря. Когда-то берега Финского залива принадлежали России, но потом шведы отняли у нас эти земли и настроили тут своих крепостей. Шведское государство было в то время весьма сильное и богатое; у него было прекрасное войско. Петр не решился начать с ним войну один, а заключил союз с королем Датским Христианом и Польским королем Августом II. Союзники условились в одно время напасть на Швецию с трех сторон.

Королем Шведским в это время был совсем молодой человек, всего 18-ти лет, Карл XII. Он был очень хорошо образован, храбр, смел и терпеливо переносил все лишения, которые приходилось испытывать солдату во время войны. Характер Карла был прямой и твердый, — но эта твердость нередко переходила в упрямство. Любимым его удовольствием была охота. В то время, когда его известили, что на его землю напали враги, он охотился на медведей. Карл улыбнулся и сказал: "мы заставим их воротиться тою же дорогою, которою они пришли". Затем он спокойно продолжал свою охоту, пока не поймал в сети 14 огромных медведей. Через несколько дней Карл с небольшим, но прекрасным, храбрым войском явился в Данию и заставил Христиана заключить с ним мир. Оттуда он хотел идти на Августа, но вдруг узнал, что на его крепость Нарву напал Петр. Петр с войском в 40,000 человек осадил Нарву. Наши, окружив город со всех сторон, стали стрелять в него из пушек. Сначала сам Петр распорядился осадой крепости, но затем поручил начальство над войском иноземцу, генералу фон-Круи, а сам должен был уехать по другим делам. Вдруг неожиданно явился со своей армией Карл. В

одно осеннее утро внезапно показались шведы из-за леса и быстро напали на наших. Сначала с обеих сторон стреляли из пушек, потом шведы бросились вперед. В это самое время повалил густой снег с градом; ветер нес его прямо в лицо русским, которые ничего не могли видеть в двадцати шагах; Шведы ворвались в лагерь. Наши, тогда еще неопытные солдаты, в ужасе бросились бежать в рассыпную. Только два полка, Преображенский и Семеновский, стояли на одном месте и храбро отбивались от неприятеля, но, не получая поддержки, должны были положить оружие. Карл, из уважения к их храбрости, позволил им свободно уйти. Много наших было убито и забрано в плен. Все наши пушки достались шведам. Разбив русских, Карл ушел в Польшу.

Потерпев поражение под Нарвой, Петр Алексеевич не пал духом. Еще с большим старанием принялся он за устройство своего войска. Сейчас на Москве кликнули клич: "кто хочет идти в солдаты?" Охотников явилось много. К весне были приготовлены новые пушки. Затруднялись, где взять на них меди, но Петр придумал, откуда достать ее. Он приказал из больших городов, из церквей и монастырей собрать часть колоколов. В Москву было навезено их много, и из меди были сделаны новые пушки. Долго тянулась эта война. Сначала Шведы побеждали нас, но Петр не унывал. — "Господа Шведы, говорил он, побьют нас еще и не раз, но у них мы научимся и побеждать их". Действительно, наши солдаты мало-помалу научились сражаться и стали одерживать верх над Шведами. Пока Карл XII бился с Августом и несколько лет просидел в Польше, тем временем наши, под начальством самого Петра или его генералов: Шереметьева, Меншикова и других, одержали несколько побед над Шведами. Петр взял у Шведов крепость Нотебург, которая была в давние времена русскою, но также была отнята у нас Шведами. Она называлась по нашему Орешек и стояла на том месте, где река Нева вытекает из Ладожского озера. Петр назвал ее теперь Шлиссельбург, что значит Ключ-город, потому что он, как ключ, отпирает ему дорогу в Балтийское море. Потом была взята нами другая Шведская крепость. Ниеншанц, и там, где река Нева вливается в Финский залив, Петр основал новый русский город, который должен был сделаться столицею русского государства. 16 мая 1703 года был основан Санкт-Петербург.

то есть город св. Петра. В этот день была заложена Петропавловская крепость. За постройкою ее наблюдал сам Петр, а также самые близкие к нему люди. Для постройки нового города было выслано со всех концов России множество плотников, каменщиков, землекопов и всяких других рабочих. Помогали и солдаты. В тот же день стали строить и деревянную церковь во имя св. Апостолов Петра и Павла. Несколько домов, арсенал, провиантские магазины и небольшие торговые ряды, — вот и весь Петербург в то время. На берегу Невы был построен царский дворец. Он был деревянный, маленький, разделенный сенями на две половины, покрытый дощечками в виде черепицы, с оконными рамами из свинцовых желобков. Он существует и теперь и называется домиком Петра Великого. Через год Петр устроил в Петербурге корабельную верфь. Но тяжело было в то время жить в новом городе. Низменная, болотистая местность, на которой он был построен, часто затоплялась и была очень нездорова для жителей. Болотистая почва требовала больших хлопот при постройке зданий. Петербург лежал далеко от других русских городов, отчего сначала в нем трудно было достать все необходимое для жизни. Первое время в нем жить было и небезопасно, потому что Шведы всеми силами старались разорить Петербург и для этого несколько раз подходили с суши и с моря, но, к счастью, были всегда прогоняемы с большими потерями. Для защиты Петербурга с моря Петр устроил на островах в Финском заливе крепость Кронштадт.

Спустя шесть лет после основания Петербурга, Карл, окончивши дела в Польше, решил нанести окончательный удар и России. Сначала думали, что он пойдет прямо на Петербург, но Карл повернул на юг и двинулся в Малороссию. В это время гетманом малороссийских казаков был Иван Мазепа, уже старик, человек весьма честолюбивый, хитрый и ловкий. Он пользовался большим доверием у Петра, старался показать себя усердным слугой царя и вместе с тем втихомолку переписывался с поляками и шведами, думая перейти на их сторону и при их помощи самому сделаться князем Малороссии. Некоторые замечали эти его хитрости и старались известить о них Петра. Но царь был так уверен в Мазепе, что считал все дурные слухи про него клеветой. В последний раз генеральный судья Кочубей и полковник Искра донесли Петру, что

Мазепа хочет передать Малороссию полякам. Царь не поверил им и отослал их к Мазепе, который приказал им отрубить головы. Расправившись со своими врагами, Мазепа окончательно передался на сторону Карла. Когда шведский король был уже в Малороссии, Мазепа был в Батурине. В это время Петр послал к нему по делам Меншикова. Мазепа подумал, что все стало известно государю, испугался, велел седлать коней и с небольшим отрядом, всего в две тысячи человек, прискакал в лагерь Карла. Казаки, бывшие с ним, думали, что гетман ведет их сражаться со шведами, и были удивлены, когда узнали, что Мазепа явился помогать Карлу. Между тем Петр был, как громом, поражен известием об измене Мазепы. Он тотчас же приказал избрать нового гетмана, а Мазепу проклинали в церквах. Все малороссийские казаки остались верны Петру. В это время наши войска одержали над шведами блистательную победу. На помощь Карлу шел шведский генерал Левенгаупт, с большим обозом всяких припасов для армии. Когда Карл быстро повернуть в Малороссию, Левенгаупт не успел догнать его. Петр настиг Левенгаупта и нанес шведам страшное поражение: весь шведский обоз достался нашим. Наступила осень, а потом пришла суровая зима; шведы пришлось очень тяжело: у них не было достаточно съестных припасов, начались между ними всякие болезни. Армия Карла сильно уменьшилась. Весной шведы осадили город Полтаву. Русская армия, которая теперь была гораздо сильнее шведской, также подошла к этому городу. Шведские генералы советовали Карлу оставить Полтаву и отступить, но упрямый король не согласился на это. В июне месяце приехал к своему войску Петр и решил немедленно напасть на шведов.

27 июня 1709 года, рано утром, шведское войско стало выстраиваться к бою. Начали готовиться и наши. Когда наши войска построились в боевой порядок, пред ними был прочитан приказ Петра. "Пришел час решить судьбу отечества, говорилось в этом приказе; вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное; о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россия во славе и благоденствии для благосостояния вашего".— В простом светло-зеленом мундире, в низенькой треугольной шляпе, на гнедом коне, проехал Петр пред своими войсками. В то же время пред своей армией явился и Карл. Он был ранен в

ногу и не мог ездить верхом,— его несли на носилках. Окинув взором поле битвы, Карл двинул свои полки на наши укрепления. Шведы стремительно бросились вперед. Один отряд их разбил нашу конницу и двинулся дальше, но наши пушки заставили его отступить. Меншиков бросился на него с большими силами и заставил положить оружие. В это время бой закипел повсеместно. И Карл, и Петр лично руководили своими войсками. Они не щадили своей жизни и подвергались страшной опасности. У Петра была прострелена насквозь шляпа. Вокруг Карла падали его телохранители. Шведы героически бросались на наши войска, но всякий раз были отбиваемы. Вдруг пушечное ядро ударило в носилки Карла и разбило их. Он упал на землю. Шведы смутились, думая, что их любимый король убит. Но он быстро поднялся, сел верхом на коня, не взирая на боль ноги, и явился пред своими войсками. Шведы, воодушевленные этим, еще раз бросились вперед. Но силы их стали ослабевать: они начали мало-помалу подаваться назад. Наши тогда сами двинулись вперед, и шведы не выдержали, побежали. Карл, Мазепа и несколько шведских генералов ускакали с поля сражения и бежали в Турцию.

С восторгом встречало наше войско Петра, когда он проезжал по рядам солдат, снимая свою простреленную шляпу. Солдаты расположились на отдых; запылали костры; стали варить кашу. Петр обходил лагерь, шутил с солдатами и пил вместе с ними, поздравляя их с победою. Сейчас же во все концы России были разосланы известия о поражении шведов. Во всех городах земли русской благодарили Бога, звонили в колокола, стреляли из пушек, устраивали иллюминации. У Петра, в день его именин, 29 июня был большой обед, на который были приглашены и пленные шведские генералы. Петр предложил выпить за здоровье наших учителей в военном деле. "Кто же эти учителя?" спросил один шведский генерал. "Вы, господа шведы!" ответил Петр. "Хорошо же ученики отплатили своим учителям", заметил на это генерал.— Все, павшие в этом сражении за Царя и Отечество, русские воины были погребены в одной большой общей могиле. Было совершено над ними общее отпевание. Петр первый бросил в могилу горсть земли и затем собственноручно водрузил крест. Впоследствии на этой могиле был поставлен памятник, а неподалеку воздвигнута церковь и при ней школа. После полтавской победы

война со шведами продолжалась еще двенадцать лет. Карл жил несколько лет в Турции и успел уговорить турецкого султана начать с нами войну, но нам удалось с турками скоро заключить мир и снова обратить все свои силы на Швецию. Мазепа умер в Турции, а Карл возвратился домой, но вскоре был убит своими же. Шведы были еще несколько раз побеждаемы нашими войсками. Но и русская земля сильно истомилась от такой продолжительной войны, и Петр I старался поскорее заключить мир, который в 1721 г. и состоялся в Ништадте. Шведы уступили нам земли по берегу Финского залива; за нами остались города: Петербург, Рига, Ревель, Выборг. Узнав о заключении мира, Петр приехал в Петербург. Народ услышал стрельбу из пушек и звуки труб и бросился к пристани. Государь подъехал к пристани и говорил народу: "мир, братцы, мир!" Тотчас отслужили благодарственный молебен. Затем Петр вышел на площадь, где были уже выставлены бочки с пивом и вином, а посередине было устроено возвышение. Петр взошел на него, поклонился на все стороны народу и сказал: "Здравствуйте, православные, и благодарите Бога, что столь долговременную войну, которая продолжалась двадцать один год, Всесильный Бог прекратил и даровал нам со Швецией счастливый, вечный мир". Сказав это, царь зачерпнул ковшом вина из бочки и выпил за здоровье народа. Народ плакал от радости и кричал: "да здравствует Государь!" Спустя немного времени была торжественная служба в соборе. По окончании богослужения к Петру подошли все важнейшие сановники государства и от имени всего русского народа просили его принять, за труды и благодеяния, оказанные им русской земле, титул Императора, Отца отечества и Великого. Все присутствовавшие в церкви три раза прокричали эти слова. В ту минуту раздались пушечная и ружейная пальба и звуки труб. С этих пор русские цари стали именоваться Императорами.

105. Главнейшие преобразования Петра Великого.

По возвращении из своего первого путешествия по Западной Европе. Петр задумал преобразовать Россию по образцу западно-европейских государств и прежде всего обратил внимание на внешность русского человека. Так он приказал всем, кроме крестьян и духовенства, сбрить бороды и переменить длинную и широкую одежду, крайне неудобную для работы, на обще-европейское короткое платье. Вместе с ней он начал праздновать новый год 1 января, вместо 1 сентября, ввел летосчисление от Рождества Христова, вместо прежнего от сотворения мира. Вслед за этими преобразованиями деятельный царь произвел большие перемены в управлении, в суде, в положении сословий, в обычаях и т. д. Петр разделил всю Россию на 12 губерний, которая управлялись губернаторами. Губернаторы подчинялись Правительствующему Сенату, учрежденному вместо боярской думы, или царского совета. Сенат был высшим судебным местом, заботился о правильном сборе налогов и был руководителем всего управления. Вместо прежних приказов, заведывавших делами по разным частям управления, учреждено было 10 коллегий: напр., военная, иностранных дел, адмиралтейская и др. Дела в коллегиях решались не одним лицом, а несколькими по большинству голосов. Вообще царь признавал, что решение дел целым собранием будет более правильным и беспристрастным, поэтому ввел такой же порядок и в церковном управлении: он отменил патриаршество и учредил вместо него Святейший Синод, который состоял из высших духовных лиц. Всех служащих в военной и гражданской службе Петр разделил на 14 классов (табель о рангах или чинах), при чем высшие чины давал только лицам усердным и способным, хотя бы они были и незнатного рода. Меншиков, напр., был самого низкого происхождения, и царь сделал его первым своим помощником и возвел в княжеское достоинство. Служащим давались в награду, по иностранному обычаю, ордена Андрея первозванного и княжеские и графские

титулы. Далее Петр совершенно преобразовал русское войско. Прежде при начале войны на службу являлись помещики с известным числом вооруженных слуг; потом Иоанн IV завел еще постоянную пехоту - стрельцов, а при его преемниках появляются уже полки солдата, драгун, гусар и рейтаров, обученных иностранными офицерами. Но все эти войска, плохо вооруженные и плохо обученные, весьма мало были пригодны для войны, поэтому Петр, обращавший особенное внимание на военное дело, завел впервые регулярное или, как он сам говорил, настоящее войско, которое устроено было по немецкому образцу и исправно пополнялось рекрутскими наборами.

Петр Великий все силы свои употреблял на то, чтобы возвысить свою родину, но не мало пришлось ему бороться при этом с невежеством, которое заставляло многих видеть в делах царя, направленных к их же пользе, чуть ли не грех. Много противодействия встречал император со стороны темного, неученого люда, и тем сильнее увидал он необходимость поскорее распространить в России образование. В Москве, Петербурге и других городах было открыто несколько школ — морские, инженерные, математические и другие. Кроме того, многих молодых людей посылал за границу для усовершенствования в разных науках и ремеслах. Было объявлено, что все дворяне должны обучаться грамоте, цифири и Закону Божию, без чего их было запрещено производить в чины. Но царь заботился об образовании не одних дворян, а и всех своих подданных, в особенности же духовенства, и для этого во всех епархиях были учреждены духовные школы (семинарии). Раз завелись у нас школы — понадобились книги, да и вообще Петр хотел, чтобы у нас побольше читали умных и хороших книг, а книг, кроме богослужебных, почти не было. Поэтому царь приказал переводить с иностранных языков самые полезные и нужные книги и сам придумал новые буквы — те самые, которыми и теперь печатаются все русские книги, тогда как прежде у нас существовали одни славянские буквы, которыми в наше время печатают только книги церковные. Чтобы все могли знать, что делается в разных местах России и за границей, Петр велел печатать особые ведомости (теперь называемый газетами), часто указывал, что именно в них печатать, и даже сам иногда писал разные статьи. Петр Великий очень заботился о благочестии в народе: приказывал по воскресным и праздничным

дням посещать богослужение и строго наказывал всякое богохульство. Почитание Бога и заповедей Его царь ставил выше всего и часто говорил, что плохой слуга Божий не может быть хорошим слугой государю и отечеству.

Во все время своего царствования Петр особенно заботился о развитии в России торговли и промышленности. Петр затронул все отрасли народного хозяйства; так он приказывал подданным отыскивать и обрабатывать всякие металлы и минералы; заботился о сохранении и разведении лесов, о развитии виноделия и шелководства на юго-востоке, начал сеять табак, положил начало конским заводам, заботился о разведении овец, так как хотел иметь свое русское сукно для одежды войска, разводил в России холмогорский скот. Петр заботился и о развитии разных ремесел, для чего выписывал искусных мастеров с запада и посылал туда русских учиться разным мастерствам, дорого платя за их обучение. Вообще надо заметить, что Петр, сознавая превосходство запад. европейцев над русскими в знаниях и искусствах, вызывал в большом числе сведущих людей из-за границы, давал им большое жалованье и разные льготы, но зато непременно требовал, чтобы они учили русских людей своему мастерству. На этот вызов иностранцев Петр смотрел, однако, как на необходимую, но временную меру, и вовсе не хотел, чтобы Россия всегда находилась в зависимом отношении к Западу, а поэтому в течение всего царствования он посылал за границу многих русских учиться разным сведениям, необходимым для государства, как-то: кораблестроению, ремеслам, делопроизводству в коллегиях и т. д. Больше всего Петр заботился о развитии мануфактурной промышленности, которая до него едва существовала в России. Заводов до Петра было ничтожное число, а в его царствование было открыто более 200 фабрик и заводов. Петр всячески содействовал открытию новых фабрик и заводов и давал им многие льготы. Из таких вновь открытых заводов и фабрик были следующие: сахарные и металлические заводы, фабрики суконные, полотняные, писчебумажная, зеркальная, шелковых материй и др. Петр старался приучить русских людей соединять свои капиталы и составлять кампании для разных промышленных, предприятий; к участию в этих предприятиях он привлекал, и знатных дворян, объясняя в своих указах, что торги и ремесла никого не бесчестят и столь же полезны для

государства и почетны, как государственная служба. Что касается торговли внешней и внутренней, то она значительно развилась при Петре и этому развитию много способствовали завоевание берегов Балтийского моря, соединение Балтийского моря с Каспийским Ладожским и Вышневолоцким каналами, а также проведение внутри государства многих сухопутных исправных дорог. Расходы государства при Петре чрезвычайно увеличились вследствие частых войн, устройства постоянного войска и флота, множества новых учреждений и построек, так что Петр старался изыскать источники новых доходов. Благодаря постоянным заботам Петра об увеличении государственных средств, доходы государства к концу его царствования возросли с 3 до 10 миллионов.

Посреди важных государственных забот Петр обратил внимание на семейные и общественные порядки. До сих пор знатные люди держали своих жен и дочерей взаперти, браки устраивались родителями, и жених ни в каком случае не мог видеть своей невесты до свадьбы. Царь строго запретил этот обычай. Он назначил между обручением и свадьбой шестинедельный срок, в течение которого брак мог расстроиться, если бы жених и невеста, ближе познакомившись, друг другу не понравились. Затем Петр установил ассамблеи, или общественные собрания, на которые сходились люди "всяких чинов" с женами и дочерьми. Тут были чиновные особы всех рангов, корабельные мастера, иностранные матросы и др. Главным условием этих собраний было отсутствие всякого стеснения и принужденности: каждый волен был заниматься, чем ему хотелось. Гости танцевали, играли в шахматы, курили, беседовали и т. п. Царь принимал весьма деятельное участие в ассамблеях и нередко, развеселившись, сам руководил танцами, в которых, по отзыву современников, выказывал большое искусство. Таким образом, благодаря Петру, русская женщина вступила в общество и не мало способствовала смягчению нравов.

ходившимся, множество распоряжений, приказаний, относившихся к самым разнообразным предметам. Рядом с указом о производстве народной переписи или рекрутского набора, из под пера Петра выходило указание, как лучше жать хлеб, косами или серпами, как лучше плести лапти. Понятно, что заботы о таких незначительных вещах отнимали у царя очень много времени, которое он мог бы употребить на более важное дело, но иначе поступать ему было трудно. Мало было в тогдашней России людей, которые понимали всю высоту замыслов Петра, клонившихся к одной пользе его народа; мало было таких, которым он мог поручить какое-нибудь дело и быть уверенным, что его поведут так, как он того желает. Понятно, что при таких условиях Петру приходилось самому думать решительно о всем, не забывая никаких мелочей. Рано поутру Петр также обыкновенно занимался своим любимым токарным ремеслом, что служило ему отдыхом от других трудов. Государь очень любил вытачивать вещи как из дерева, так и из слоновой кости, и до нас сохранилось много его работ. Из кости царь больше всего вытачивал разные предметы, употребляемые при Богослужении. Два больших паникадила его работы можно и теперь видеть в Петербургском Петропавловском соборе. Во время работ в токарной много великих замыслов рождалось в голове Петра и, чтобы никто не мог ему помешать, к дверям токарной была прибита надпись: "кому не приказано или кто не позван, да не входить сюда, не токмо посторонний, но ниже служитель дома сего, дабы хозяин хотя сие место имел покойное". Но иногда сам царь указывал в это время являться к себе многим, особенно молодым людям, возвращавшимся из-за границы, куда их посылали для науки. Царь тут же производил им строгое испытание, и от этого испытания зависела их дальнейшая судьба, потому что Петр, щедро награждавший усердных и достойных слуг своих, строго карал ленивых и нерадивых.

Люди, которым Петр назначал придти к нему утром, должны были приходиться всегда очень рано, потому что царь в шесть или семь часов утра обыкновенно отправлялся осматривать производившиеся в Петербурге работы. Так однажды он назначил датскому посланнику явиться к нему в четыре часа утра. Посланник, не воображая, что русский император может вставать так рано, и думая, что он ослышался, явился во дво-

рец в шесть часов, но царя там уже не было — он отправился на верфь. Смущенный посланник тоже отправился туда, и каково было его удивление, когда он увидел русского императора, сидящего на мачте корабля и что-то там работающего топором. Царю доложили о приезде посланника. "Что ж, если он не сумел найти меня во дворце, так пусть потрудится взойти сюда". И одетый в нарядное платье датчанин принужден был взобраться по веревочной лестнице на мачту, где царь очень милостиво его встретил. С работ Петр отправлялся в Сенат или в одну из коллегий и там оставался довольно долго, слушая, как решаются дела, и давая свои указания сенаторам и членам коллегии. Днем до обеда царь обыкновенно разъезжал по городу, заходя на фабрики, мастерские или посещая своих приближенных, а после обеда, состоявшего из самых простых блюд, снова занимался государственными делами. В своем обращении государь был чрезвычайно прост, и каждый, кто только имел до него дело, мог смело к нему обращаться. Не мало было солдат в его гвардии, у которых он крестил, и нередко ему случалось, засидевшись на таких крестинах, опаздывать на какое-нибудь торжество. После крестин Петр обыкновенно выпивал рюмку своей любимой анисовой водки и уезжал, подарив хозяйке серебряный рубль, который потом хранился, как святыня.

Ничто так не гневало царя, как ложь и несправедливость. Виновный всегда мог заслужить его прощение, если искренно сознавался в своей вине, но горе было тому, кто запирался и отрикался — такой человек терял навсегда доверие царя. Петр говорил, что никогда не может поверить человеку, который хоть раз ему солгал. Характер у Петра был очень вспыльчивый, но ему можно было всегда говорить в лицо правду, даже когда приходилось ему противоречить. Из своих приближенных Петр Великий особенно уважал сенатора князя Якова Федоровича Долгорукова и уважал его именно за правоту нрава, за то, что тот всегда всем, и первому царю, говорил в лицо всю правду, как бы она ни была неприятна. При громадном количестве дел, над которыми приходилось работать царю, при его непрерывной деятельности, ему, понятно, случалось издавать необдуманные повеления. Князь Долгоруков в таких случаях никогда не боялся идти наперекор царской воле, и Петр, одумавшись, всегда благодарил своего верного слугу.

Однажды случилось Петру послать в Сенат указ о том, чтобы из Петербургской и Новгородской губерний собрали как можно больше рабочих рыть Ладожский канал. Когда Долгоруков увидал этот указ, то он воскликнул, что его нельзя применять к делу, и в сильном возбуждении разорвал его. Все другие сенаторы ужаснулись, увидя такую неслыханную дерзость, и подумали, что хотя царь много дерзостей прощал князю Якову Федоровичу, но теперь ему несдобровать. Действительно, когда о поступке этом доложили Петру, он страшно вспылил, поехал в Сенат и, кинувшись к Долгорукову, спросил, как он мог решиться на такое дело, за которое должен быть предан смертной казни. "В моей голове ты волен, государь, ответил смелый князь, но я не мог послать для исполнения такого указа, который ты, очевидно, написал, не подумав хорошенько. Ведь, это те губернии, которые больше всего пострадали от шведской войны, и взять оттуда столько рабочих рук значило бы совершенно разорить их. Разве ты не можешь для рытья канала взять рабочих с других губерний, менее разоренных и обезлюженных?" Царь замолчал, затем поцеловал Долгорукова и сказал ему: "верю, дядя, правду ты говоришь, опрометчиво я поступил, но все же в другой раз ты моих указов не рви". В пример беспристрастия царя можно привести еще следующий случай. Один новгородский купец, по фамилии Иголкин, во время объявления Петром войны шведам находился по торговым делам в Швеции; Шведы не отпустили его на родину и посадили в тюрьму. Сидя в заточении, Иголкин однажды услышал, как приставленные сторожить его шведские солдаты громко поносят и всячески бранят Петра Великого. Иголкин подошел к ним и попросил не говорить при нем дурного про его государя, но те не унялись и стали еще пуще бранить Петра. Долго крепился Иголкин, но наконец не мог вынести оскорбительных отзывов о своем царе, бросился на Шведов, вырвал у одного из них ружье и этим ружьем убил обоих. Храброго купца тотчас схватили, но когда шведскому королю Карлу XII донесли о поступке Иголкина, то он тотчас велел отпустить его в Россию, говоря, что каждый верный подданный должен был бы так поступить. По приезде Иголкина в Россию, он был очень обласкан царем, но отказался от всех предлагавшихся ему наград. Тогда Петр взял на военную службу внука Иголкина и обещал через несколько месяцев

произвести молодого человека в офицеры. Но время шло, а Петр, занятый всевозможными делами, забыл о своем обещании. Старик Иголкин подал в Сенат прошение, где жаловался на то, что полковник Преображенского полка Петр Михайлов обманул его: обещал произвести в известный срок его внука в офицеры и не сдержал своего обещания. Сенаторы начали объяснять старику, что не могут принять его жалобы, так как обидевший его полковник не кто иной, как сам царь, но Иголкин стоял на своем. Петр, находившийся в это время в Сенате, услышал шум и справился, в чем дело. Когда ему доложили, он рассмеялся и сказал: "нет, старик прав, я точно обманул его, но теперь постараюсь наверстать потерянное". Через несколько дней молодой Иголкин был произведен, но уже прямо во второй офицерский чин.

Строго относившийся к другим и награждавший людей только по их заслугам, Петр Великий также относился и к самому себе. Он начал службу и в сухопутном войске, и во флоте с низших чинов, чтобы изучить, как следует, всю службу, и соглашался быть произведенным в следующий чин только тогда, когда считал, что действительно заслужил это. Во флоте он достиг чина контр-адмирала и, прослужив в этом чине несколько лет, подал в заведывавшую флотом адмиралтейств-коллегию прошение о производстве в вице-адмиралы, перечисляя при этом те заслуги свои, на основании которых, ему казалось, он имел право на повышение. Коллегия, рассмотрев царское прошение, ответила, что он, действительно, повышение заслужил, но что теперь не может быть произведен, так как есть другой контр-адмирал, у которого заслуг больше, чем у царя, и который поэтому должен быть произведен раньше. Петр остался очень доволен таким беспристрастным решением адмиралтейств-коллегии и был произведен в желаемый чин только через некоторое время, после одержания им большой морской победы над шведами под Гангутом. Немного можно найти государей, которые бы так заботились о своих подданных, как Петр Великий. Всякий, самый бедный, самый незнатный человек мог всегда найти в нем защитника от всякой несправедливости и притеснения. Он строго наказывал за жестокое обращение с крепостными крестьянами. Когда в России был произведен рекрутский набор, и учреждено постоянное войско, то для солдат было определено известное количество

съестных припасов, которые они должны были получать на день, но прежде, чем ввести этот паек, царь сам решил его испробовать. Он целый месяц прожил, питаясь лишь солдатской пищей, и только тогда приказал давать этот паек всему войску, когда на себе самом убедился, что его довольно для насыщения человека. Любовь к поданным была также главной причиной ранней смерти Великого Петра, так как простуда, ускорившая его болезнь и повлекшая его кончину, была получена им во время спасения тонувших солдат.

В своей частной жизни Петр отличался необычайной простотой. Стол его был самый простой, одежда также, и никто не подумал бы, что этот высокий, с огненным взглядом, человек, одетый в толстый серый кафтан, — великий император Всероссийский. Только в немногих случаях, при приеме иностранных послов или спусках кораблей, Петр надевал роскошный, шитый серебром кафтан и голубую ленту учрежденного им ордена Андрея Первозванного. Когда удивлялись скромной жизни Петра, то он отвечал, что в жалованье своем волен, но с народа собранные деньги должен употребить на государство: в них он обязан дать отчет самому Богу. Всю свою жизнь работая для своей родины и для своих подданных, Петр требовал того же и от самих подданных. "Трудиться надобно", говорил он возвратившимся из заграничного учения молодым дворянам; "я — царь ваш, но у меня на руках мозоли, а все для того, чтобы показать вам пример, и хоть бы под старость увидеть мог достойных из вас помощников и слуг отечества". Много поработал Петр Великий своей гениальной головой, создавая величие России, много работал он своими руками, показывая пример своим поданным; не даром он был мастером четырнадцати ремесл! Сознывая, насколько выше русских стояли в то время по своему образованию и познаниям иноземцы, Петр Великий призвал многих из них на службу, но старался, чтобы они как можно скорее передавали свои знания русским. Иностранцев при Петре в России было много, но вместе с тем они почти никогда не стояли во главе какого-нибудь ведомства или учреждения, — начальниками Петр обыкновенно назначал коренных русских, а иностранцы служили у них только помощниками. Богатырь по своим умственным и нравственным силам, Петр Великий был богатырем и по виду. Громадного роста, широкоплечий, с большими огненными черными глазами и

быстрым пронизательным взглядом, казалось, пронизывающим насквозь каждого, на ком он останавливался,— таков был человек, про которого наш великий поэт Пушкин сказал: "То академик, то герой, то мореплаватель, то плотник, он всеобъемлющей душой на троне вечный был работник".